

Книжная полка

**КОГДА ВОСПОМИНАНИЯ СТАНОВЯТСЯ
КОНСТРУКТИВНЫМИ...¹**

В.И. Оноприенко

*Институт научно-технического потенциала и истории науки
им. Г.М. Доброва НАН Украины*

Когда я получил эту книгу, то первое, что мне пришло в голову, — я не смогу одолеть это фундаментальное произведение, прекрасно изданное, в суперобложке, замечательно написанное и богато иллюстрированное, с множеством имён людей науки, с немалой частью

¹ Рецензия на книгу: Колчинский 2014.

которых встречался и общался и я, по одной естественной причине. Я, книгочей с дошкольной поры, мало того, считаю, что страсть к книгам и чтению, может быть, главное моё преимущество в жизни и работе, во всяком случае, моя достопримечательность, которую нельзя отнять или вычесть. Но, как нам ни больно, эпоха книжной культуры уходит, сокращается, в современном мире некогда читать. Я читаю запоем, да и то с электронной книги, только когда еду поездом из Киева во Владивосток к брату (это неделя с гаком по любимому Транссибу). За эту неделю прочитываю 10–15 книг. А потом годами не имею возможности читать.

Тем не менее книгу Колчинского (а это около 600 страниц) я проглотил сразу целиком, отложив все долги и обязанности. Возможно, это произошло потому, что мы фактически принадлежим к одному поколению (правда, я — предвоенный, т. е. разница на войну, которая для меня очень значима: мы пережили её в Киеве, в оккупации, чудом выжили, и эти впечатления остались навсегда). Да и учились в двух ведущих университетах СССР, в чём-то конкурирующих, но в них было и много общего — одна эпоха.

Первое, что произвело на меня сильное впечатление, — это редкая память автора, сохранившая детали быта, уклада семьи, родного Челябинска, лица и особенности близких и дальних родственников, переживших революцию, гражданскую войну, лихолетье индустриализации и коллективизации, самую страшную войну в истории цивилизации и свободу молодости в послевоенный период, даже несмотря на продолжавшиеся репрессии и официальную казёнщину. Написано это ярко, с литературным вкусом и самоиронией. Факт продолжающихся контактов со сверстниками, спустя многие десятилетия, многое говорит об авторе. Увлечённость чтением, причём общественно-политическим, со стремлением к его систематичности, несомненно, способствовало раннему интеллектуальному развитию, совмещённому с юношеским фрондёрством, отстаиванием собственного мнения, задиристостью. Одновременно была многолетняя работа на Южно-Уральской малой железной дороге, через прохождение основных профессий железнодорожника до руководства дорогой.

Не поступив с первого раза в университет, Колчинский поработал на производстве, а затем уже был Ленинградский университет, философский факультет, студенческое счастье в столице. Однако, несмотря на хорошую подготовку, ощущение призвания долго не приходило. Жизненной удачей стала встреча с Кириллом Михайловичем Завадским (1910–1977), ботаником, эволюционистом, историком и философом биологии, организатором науки.

Завадский одинаково успешно работал как биолог-эволюционист, историк науки и специалист по философским проблемам биологии, свободно ориентируясь в сложных проблемах биологического знания. Его успеху способствовало и умение выбрать наиболее актуальные проблемы эволюционной теории, уловить только ещё зарождающиеся тенденции её будущего развития. Он внёс существенный вклад в экспериментальное изучение движущих сил эволюции (борьбы за существование и естественного отбора) и структуры популяций растений, разработал оригинальную концепцию вида и видообразования, предложил классификацию основных уровней организации живого, исследовал критерии и закономерности прогресса, основные этапы и тенденции развития эволюционной теории от Ч. Дарвина до 1970-х гг., сформулировал программу эволюционной фитофизиологии. Его личный исследовательский опыт, протекавший в аномальных условиях советской реальности и борьбы с лысонкоизмом, стал весьма значимым для его учеников.

Хотя в России и в Украине постоянно говорят о научных школах, как правило, настоящих школ немного, и главное условие их функционирования, кроме реальной научной программы, — личность, харизма лидера школы. Обладая высоким педагогическим талантом, искренне нуждавшемся в тесной коммуникации с молодыми, Завадский в полном смысле слова, стал тем «привратником» в науку, который последовательно, настойчиво вводил в профессиональное сообщество своих учеников. Для этого он не считался ни с затратами вре-

мени, ни с колоссальным трудом по редактированию и совершенствованию текстов публикаций, ни с продвижением этих публикаций.

Колчинский вспоминает о работе с Завадским.

Именно Завадский оказал решающее влияние на определение поля моих исследовательских интересов, побуждая всё дальше и дальше уходить от философии в сторону эволюционной теории и истории науки. В те годы он фактически был лидером эволюционно-биологических исследований в нашей стране, признанным во всём мире теоретиком, историком и философом эволюционной биологии. Быть учеником Завадского было очень престижно, хотя и нелегко. Главное, он был очень обаятельный человек и прирождённый педагог, уделявшим огромное внимание своим ученикам, постоянно беседуя с нами на различные темы, обсуждая новейшую литературу. Аспиранты должны были приходиться в сектор два раза в неделю, когда там появлялся сам Завадский, к которому постоянно шли на консультацию люди со всего Советского Союза. Находясь с ним в одной комнате, я неизбежно знакомился с множеством разных проблем и мог наблюдать, как сложны поиски их решения. После работы мы часто шли пешком до дома Завадского на Петроградской стороне, провожая его и обсуждали всякие проблемы, в том числе и политические. Завадский был очень откровенен с нами, чувствовалось, что он ничего не боится. Важным в подготовке аспирантов, конечно, были семинары по эволюционной теории, в них участвовали крупнейшие биологи, все ведущие эволюционисты нашей страны, историки биологии, часто приезжали учёные из-за границы. Обстановка была очень демократичная. Доклады делали все, от академиков до аспирантов, каждый мог высказаться по любому вопросу и критиковать докладчика, невзирая на лица, титулы и звания. Мы регулярно делали сообщения, доклады в весьма квалифицированной и требовательной аудитории.

Написание первой статьи у Завадского практически у каждого уходило 1,5–2 года. Завадский по несколько раз возвращал наши рукописи, перечёркивал. Переделывая по его замечаниям, ты думал, сейчас всё вставишь, что он тут написал, ответишь на поставленные вопросы, и всё будет нормально, но потом он начинал уже себя править, ставить новые вопросы, и этот процесс казался бесконечным. Так он учил нас относиться критически к своему тексту. Он требовал глубокого знания фактического, биологического материала, высмеивал всякого рода поверхностные обобщения. Для него наука была едина для всех возрастов и стран. Где-то только через год-полтора появлялось что-то такое, что действительно, можно было публиковать в серьёзных изданиях, а не в аспирантских сборниках. Как правило, это была работа, которая сразу становилась заметной в научном сообществе биологов-эволюционистов. На защиту можно было выйти только после того, как появлялись публикации в солидных изданиях, и проходила настоящая апробация на крупных всесоюзных симпозиумах. Сами диссертации учеников, Завадский, как правило, не читал, но внимательно редактировал автореферат, в итоге практически каждая защита его учеников становилась заметным событием.

Надо отметить, что не только Завадский правил нас, мы тоже правили его. Он всегда давал нам читать рукописи своих книг, статей, и я с удовольствием отыгрывался на них. И ему приходилось нередко от нас отбиваться, когда мы критиковали те или иные его построения. Поручал он нам редактировать труды друг друга, рецензировать статьи, рукописи монографий и диссертаций, присылаемые ему в большом количестве. Кроме того, мы помогали ему следить за мировой литературой, готовили рефераты и выписки для его работ.

Такой стиль работы был настоящей школой для молодых исследователей. Главное, что сделал Завадский для всех, кто с ним работал, это показал, чем следует руководствоваться исследователю в своей деятельности, и ввёл высокие критерии качества работы.

Тема дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации Колчинского была сформулирована Завадским — «Эволюция эволюции». Она была по-настоящему трудна и проблемна, но постепенно в результате поступательного продвижения выросла в совместную

с К.М. Завадским монографию [Завадский, Колчинский 1977], имевшую большой успех и признание в профессиональном сообществе. Но Колчинский считал, что он уже исчерпал себя в этой теме. Вскоре ушёл из жизни К.М. Завадский. Колчинский принял научное руководство очень ответственной работой — подготовкой коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР» [Развитие... 1983], задуманной ещё Завадским. Она должна была стать крупным историко-теоретическим обобщением, но работа над монографией, кроме трудностей согласования большого авторского коллектива, содержала много подводных камней, включая идеологические. Работа над этой книгой, в которой участвовало более 20 ведущих отечественных биологов-эволюционистов и историков науки, стала стимулом для формирования новых научных интересов и перспектив.

В ходе работы умерли С.С. Шварц, а затем М.М. Камшилов, которые брались написать раздел об эволюции биосферы. Найти другого автора не удалось. Пришлось писать, как нередко бывает, самому редактору-составителю. Глава получилась большая, с историко-критическим анализом реальных результатов исследований в этой области. Хотя тема эволюция биосферы была очень популярной, но Колчинскому удалось найти интегральные характеристики эволюции биосферы как специфической формы существования жизни, а также показать значение этой проблемы для эволюционной теории. В итоге была опубликована книга «Эволюция биосферы» [Эволюция биосферы 1990]. Вышла она в неудачное время для отечественной науки, в условиях крайнего её упадка и деградации. Но не могу не отметить, что эта книга у меня лично до сих пор — одна из наиболее востребованных. Я всегда ищу надёжный и точный материал по оценке вклада исследователя, не найдя, пытаюсь сделать это сам. В книге «Эволюция биосферы» я нашёл его в самом концентрированном виде и активно использовал в своих книгах о В.И. Вернадском, Я.В. Самойлове, А.П. Виноградове и др. С тех пор у меня сформировалось полное доверие к глубокому историко-критическому анализу в работах Колчинского, которые у меня вызывают искреннее восхищение мастером.

Ещё одной книгой, которую я расценил как выдающееся достижение, стала книга Э.И. Колчинского «Неокатастрофизм или селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза?» [Колчинский 2002], в которой осуществлена попытка доказать, что в современной биологии идёт создание нового синтеза, основу которого составляют объединение идей неокатастрофизма-сальтационизма и теории естественного отбора. Должен признаться, что эта монография Колчинского — одна из моих любимых. По-моему, я написал на неё даже две разных рецензии, одинаково восторженных [Оноприенко, Митропольский 2003; Оноприенко 2003]. Книга посвящена историко-критическому анализу одной из фундаментальных методологических проблем естествознания — двухвековой дискуссии между сторонниками неокатастрофистских и селекционистских моделей эволюции. Идеи о периодической смене длительных эпох постепенных изменений геологической истории Земли и её обитателей или относительного покоя кардинальными перестройками, коренным образом преобразующими лик планеты и органический мир, зародились ещё в мифологиях Древнего мира, но научное оформление получили в начале XIX в. в теории катастроф Ж. Кювье, господствовавшей в естествознании до возникновения униформизма Ч. Лайеля и эволюционной теории Ч. Дарвина. История отношений между униформизмом и катастрофизмом, а также между градуализмом и сальтационизмом в эволюционной биологии была освещена лишь фрагментарно. Между тем именно она позволяет понять многие отличительные черты современного эволюционизма.

Кювье и его сторонники считали, что в древности имели место грандиозные вулканические извержения и быстрые, катастрофические тектонические движения, в результате которых огромные участки суши могли мгновенно оседать или вздыматься. Памятниками этих движений являются наклонные пласты и колоссальные сдвиги. Быстрые опускания земной

кору приводили к внезапному распространению моря, что вызывало потопа, из которых последний был описан в Библии. Кювье считал, что в учении о катастрофах нашли примирение два факта: неизменяемость видов и неоднократная смена фауны и флоры во времени. Крупные успехи палеонтологии позвоночных, созданной Кювье и его учениками, большой материал по третичным моллюскам Парижского бассейна, собранный и описанный Ж.-Б. Ламарком, обильные ископаемые палеозоя и мезозоя, обработанные английскими геологами, свидетельствовали о том, что современная фауна значительно отличается от фауны прошлых геологических эпох. Катастрофисты допускали, что в древности происходила неоднократная гибель организмов под влиянием мощных факторов, действовавших быстро, иначе бы продолжительность жизни Земли не укладывалась в сроки, отведённые для нее Библией.

Катастрофизм, получивший широкое распространение в научном сообществе, тем не менее вызвал одновременно и реакцию неприятия со стороны ряда ведущих учёных, что постепенно привело к формированию униформистской альтернативы, наиболее чётко сформулированный Ч. Лайелем. Хотя основоположники современной исторической геологии и эволюционной биологии, уделяя основное внимание аккумуляции медленных и градуальных изменений, отодвинули на задний план сам вопрос о возможности внезапных преобразований в истории Земли и органического мира. Однако эта идея не только выжила, но и стала довольно скоро одной из основных конкурирующих с селекционизмом концепций эволюции, основанной на допущении внезапных и непредсказуемых появлений макроэволюционных новшеств, которые или сразу дают начало новым таксонам высокого ранга, или же вовлекаются в дальнейшие адаптивные преобразования в качестве основы будущего нового типа организации.

В книге проанализированы взгляды Дарвина относительно соотношения его теории с униформизмом, отделены его декларации от фактических положений его концепции, показаны трактовки его интерпретаторов, начиная с Т. Гексли, и особенно тщательно исследована «дарвиниана» последних десятилетий. В книге усилен и акцентирован вывод, сделанный К.М. Завадским и Э.И. Колчинским ещё в 1977 г., о том, что теорию Дарвина следует оценивать как важный шаг на пути синтеза униформизма и катастрофизма, как по сути неонуниформистскую концепцию. Показано, как антиэволюционный катастрофизм трансформировался в эволюционную модель, давшую начало широкому спектру концепций и гипотез, и как одновременно шла трансформация различных форм селекционизма, приведя в 1930-е гг. к формированию синтетической теории эволюции (СТЭ) с ее стремлением ассимилировать все достижения недарвиновских концепций эволюции, включая сальтационизм и неокатастрофизм. Это в свою очередь способствовало развитию и автогенетического, и эктогенетического неокатастрофизма.

Значительная часть книги посвящена детальному рассмотрению СТЭ в её соотношении с неокатастрофизмом. Вскрыты предпосылки и причины необходимости синтеза в эволюционном учении, в котором в связи с созданием мутационной концепции Г. де Фриза был нарушен баланс между сторонниками градуализма и сальтационизма в пользу последнего. В условиях далеко продвинувшейся дифференциации биологии, возникновения таких дисциплин как феногенетика, биология развития, цитогенетика, этология синтез эволюционных идей, разрабатывавшихся генетиками, систематиками и палеонтологами, произошёл в период между 1937 и 1950 гг. Многие учёные из разных отраслей биологии к этому времени признали правильность предположения о ведущей аккумулялирующей роли отбора в механизме эволюции. Новую аргументацию для этого доставила популяционная концепция. В результате наметившегося консенсуса современный дарвинизм стали называть синтетической теорией эволюции (СТЭ).

В книге подробно рассмотрены коллизии формирования СТЭ в разных странах, прежде всего в США, Великобритании, Германии и России. Рассмотрены проблема факторов, механизмов микро- и макроэволюции СТЭ, концепции аддитивного типогенеза и «квантовой эволюции», проблема внезапного видообразования и др. Значительное внимание уделено развитию и формам неокатастрофистских идей в период доминирования СТЭ. С позиций методологии «case studies» проанализирована концепция прерывистого равновесия и её роль в оппонировании СТЭ.

В работе дан анализ целого ряда концепций, которые обычно находились на периферии историко-научных исследований, например, антиэволюционизм Ж.-Л. Агассиса. Новые штрихи внесены в рассмотрение предпосылок и коллизий возникновения эволюционного катастрофизма. Например, даётся ценный анализ одного из бестселлеров середины XIX в., предшествовавших выходу «Происхождения видов», — книги Р. Чемберса «Следы естественной истории творения» (1844), переизданной до выхода книги Дарвина 11 раз рекордным тиражом 23 000 экземпляров.

В книге есть яркие пассажи относительно роли истории науки для её современного развития. Вот, например, один из них.

История науки позволяет лучше понять развитие мировой цивилизации, которое было бы невозможно без интеллектуальных достижений и заблуждений, без столкновения и борьбы идей. Но наука не продвигается вперёд, пятась раком. В бою, на передовой, пушки должны стрелять по тем рубежам, которые предполагается штурмовать и занять в ближайшем бою, а не в битвах прошлого. В бою устаревшая техника неизбежно ведёт к поражению. Опора на изжитые идеи как ряжение в архаичные одежды — удел комедиантов и шутов, а не пророков будущего синтеза. Невозможно представить себе физика-теоретика, в гомеомериях Анаксагора ищущего принципы построения периодической таблицы элементарных частиц, а философствующего биологи или биологизирующие философы десятилетиями рассуждают об эйдосах Платона как основе современной систематики или обращаются к целевым причинам Аристотеля для объяснения целесообразности. Вместе с тем последний принцип аналогичен прежним построениям об изначальном свойстве снотворности у морфия и мокрости у воды. За 150 лет сторонниками номогенеза не найден ни один закон эволюции, но зато исписаны тысячи томов о преимуществах номогенеза перед «устаревшим» селекционизмом (с. 471).

Сам стиль изложения, система доказательств составляют сильную сторону рецензируемой работы. Автор отыскал нерв одной из кардинальных методологических проблем естествознания, имеющей широкий философско-методологический и мировоззренческий контекст, рассмотрел её в историческом аспекте на основе анализа богатой источниковой базы, значительная часть которой впервые вводится в отечественную литературу. В книге достигнута одна из главных целей историко-научных исследований — использовать эти знания при выборе направлений современных исследований и для понимания перспективы их дальнейшего развития. Автору удалось подтвердить свой же тезис: история науки — это не прогулка по кладбищу забытых идей, а путь к правильному пониманию и постановке современных проблем.

Книга является фундаментальным итогом разработки автором истории эволюционного учения на протяжении десятилетий. Безусловно, эта работа имела предшественников, в том числе отечественных. Она велась в тесном общении с оппонентами. Её богатая библиография представляет собой самостоятельную ценность для всех, кто работает в области истории естественных наук. Богатством содержания и логикой аргументации она имеет общекультурную ценность. Эту книгу можно порекомендовать как образец историко-научного исследования не только многим историкам науки, в том числе работающим в других областях, но и

биологам, геологам, палеонтологам, философам, не испытывающим профессионального интереса к истории науки, но уверен, что после её прочтения интерес проявится.

Для многих, оставшихся в науке после полного её облома в начале 1990-х годов, было очевидно, что необходимо как-то менять стереотипы деятельности, которые владели нами в течение десятилетий. Немалая часть учёных в принципе не могла представить себя вне исследовательской работы, но и существовать так, когда временами вообще не платили за работу, тоже закрывало всякую перспективу. Автор рецензируемой книги испытал и испробовал в эти трудные годы то, что делали многие, правда, он был гораздо активнее многих: первые соросовские гранты, поездки за рубеж за счёт приглашающей стороны, преподавательская деятельность, конкурсная борьба за первые гранты российских фондов содействия науки и т. д. Было очевидно, что, даже сохраняя тематику исследований, её следует существенно обновлять и модернизировать.

В 1995 г. Э.И. Колчинский избран директором СПб-Филиала ИИЕТ РАН, его инициатива и ответственность за судьбу коллектива резко возросли. Важной долговременной новацией стало обращение к социальной истории науки. В эти годы появились в разных регионах бывшего Союза много публикаций, якобы принадлежащих к этому жанру, в трагической судьбе учёных винили «великий перелом», партийно-государственный аппарат и его приспешников среди учёных. Колчинский понимал, что профессиональное сообщество всегда неоднородно, в нём всегда идёт борьба за финансирование исследований и взаимодействие с властью, какой бы она ни была. Всегда есть немало видных учёных, использующих преимущества государственного управления наукой для борьбы со своими конкурентами.

Эти идеи существенно обогатили и объективизировали социальную историю науки, они явились дальнейшим развитием историко-критического подхода к науке в новых условиях. В коллективной монографии [Репрессированная наука 1994] Колчинский написал большую статью о попытках диалектизации биологии в 1920-х гг., которая шла в разрез со многими мифами перестроечных дней. В результате его пригласили участвовать в крупном российско-германском проекте, что побудило к сбору уникального архивного материала о Комакадемии, об участии естествоиспытателей в советизации и идеологизации отечественной науки. Наряду с большой статьёй на немецком языке, названной руководителем проекта Д. Бойрау «Философия как идеологическая дубина», в России появилась книга «В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии 1920-х — начало 1930-х гг.» [Колчинский, 1999]. Серия публикаций по социальной истории науки, поставленных на прочную методологическую основу, стали важнейшим направлением петербургских историков науки в 1990–2000 годы. Многие из них готовились по международным проектам и быстро завоевали международное признание.

Среди результатов размышлений о сложных взаимоотношениях учёного сообщества и власти в периоды крупных социально-политических катастроф находится коллективная монография «Наука и кризисы» [Наука и кризисы 2003], которая выросла из заказа подготовить для правительства записку на эту тему. Она была одобрена и предложено было написать книгу, под которую обещано было финансирование. Но разразился кризис 1998 г., правительство сменилось, финансирование прекратилось, сотрудники ушли в другие учреждения. Однако тема не отпускала, Колчинский привлёк новых людей к работе над ней. Для понимания общих черт поведения учёных и положения науки в периоды кризисов помогло сотрудничество с И.С. Дмитриевым и американским историком науки М. Уолкером. Много сделали и другие зарубежные учёные, авторы разделов о кризисах науки в США, Японии и Китае. В коллективной монографии «Наука и кризисы» рассматривалось поведение научных сообществ и властей разных стран в периоды кризисов, начиная от английской революции XVII века до «культурной революции» в Китае. Позднее, с учётом опыта работы над этой

книгой была сделана попытка оценить направления реформ науки в современной России [Колчинский, Ащеулова 2010], а также провести сравнительный анализ их с реформами науки в Китае и Индии.

Во время работы над книгой «Наука и кризисы» автора воспоминаний заинтересовала также задача сравнительного анализа развития биологии в России и в Германии, особенно в период господства тоталитарных режимов. В течение ряда лет он неоднократно бывал в Германии и собрал обширный материал о немецких биологах в национал-социалистической Германии, что позволило показать, что не столько идеология, сколько тоталитаризм заставлял учёных разных стран вести себя сходным образом, чтобы обеспечить государственную поддержку своих исследований, а иногда и убрать конкурентов.

Было у него немало и других тем, прежде всего, связанных с изучением творчества В.И. Вернадского, Г. Геберера, К.М. Завадского, Д.В. Лебедева, Ю.И. Полянского, Г.Г. Симпсона, Г.В. Стеллера, А.М. Уголева, О. Шиндевольфа и др., а также историей биологии в XVIII веке, историей РАН и т. д. Особо следует отметить работу над летописью РАН, вышедшую в четырёх томах уже в третьем тысячелетии, и Полным собранием сочинений М.В. Ломоносова.

Безусловно, решить столь грандиозные задачи стало возможным благодаря мобилизации творческих сил всего коллектива Санкт-Петербургского филиала, а также самого ИИЕТ РАН.

Последние 40 лет коллектив ИИЕТ РАН и особенно его Санкт-Петербургского филиала имели огромное значение для меня. Сюда я пришёл всё-таки философом, а здесь превратился в историка науки и в какой-то степени в биолога-эволюциониста. Здесь работали классики истории физики и техники (А.П. Мандрыка и Б.А. Остроумов), а секторе истории Академии наук, возглавляемом уникальным исследователем А.В. Кольцовым, — всемирно известные учёные Ю.Х. Копелевич, Н.И. Невская, Е.П. Ожигова, М.Г. Новлянская.

В первые годы пребывания в ЛО ИИЕТ мне казалось, что они занимаются какими-то мелочами, частными историческими сюжетами, какие-то бумажки ищут, готовят к изданиям письма, дневники и не способны к широким обобщениям. Себя же мы воспринимали работавшими на переднем крае науки, мол, с нами охотно сотрудничают биологи, включая академиков и членов-корреспондентов, мы поддерживаем контакты с крупными биологами-эволюционистами разных стран. Подлинную и непреходящую ценность их труда я понял со временем. В нашем секторе трудились И.И. Канаев, К.В. Манойленко и Т.А. Лукина, работавшие в ЛО ИИЕТ ещё до прихода Завадского, который привёл сюда своих учеников с биологического факультета (Т.М. Аверьянову, З.М. Рубцову, Л.Н. Хахину) и с философского факультета (Я.М. Галла, А.Б. Георгиевского). В целом в коллективе господствовал дух подлинного научного поиска, интригами и склоками ничего нельзя было добиться, а к общественным активистам относились со скепсисом. Позднее я ближе познакомился с коллективом ИИЕТ в Москве и там встретил немало блестящих исследователей, от которых старался по возможности перенять главные ценности и нормы историко-научных исследований. Вообще я считаю, что ИИЕТ в целом — это уникальное собрание ярких учёных, многие из которых пришли сюда после долгих лет репрессий, гонений, безработицы и поэтому умели ценить предоставленную возможность заниматься любимым делом.

Однако я учился не только у старших коллег. Для становления меня как социального историка науки важным было и сотрудничество с некоторыми молодыми исследователями. Я многому научился у них, так как они в целом, молодёжь, более восприимчива к новейшим веяниям в методологии историко-научных исследований.

Автор воспоминаний постоянно наращивал коммуникацию с биологами, его работы пользовались спросом и авторитетом у них, а это результат высокой оценки деятельности ис-

торика и философа науки. Фактически, будучи философом по образованию, он превратился в квалифицированного и авторитетного биолога. Его учителями в биологии были биолог-эволюционист К.М. Завадский, выдающийся протозоолог, член-корреспондент РАН, бывший ректор Ленинградского университета Ю.И. Полянский и последовательный борец с лысонкизмом с довоенным стажем Д.В. Лебедев. Особенность Колчинского в том, что он постоянно находился в сетях сотрудничества и кооперации со многими биологами и историками биологии не только в России, но и во многих странах мира. Вообще его путь как философа естествознания неординарен: как правило, специалисты в этой области рекрутировались в СССР из конкретных областей естествознания и техники (и эта традиция сохранилась до сих пор). Он же шёл в обратном направлении, поэтому его девиз: *историк науки должен писать, прежде всего, для специалистов той или иной отрасли знания, а социальная история науки без понимания и анализа конкретных проблем самой науки схоластична и неинтересна.*

За время директорства Колчинского в СПб-Филиале ИИЕТ РАН (а это два десятка лет) кардинально изменилось само исследовательское поле учреждения, причём он сыграл в этом процессе самую активную роль. Отмена цензуры, открытие архивов, свобода коммуникаций с зарубежными коллегами позволили коренным образом расширить спектр исследований. Кроме того, иногда импульс к новым исследованиям исходил от зарубежных коллег, приглашавших принять участие в том или ином проекте. Учитывать приходиться и проходимость тематики проекта при конкурсах в РФФИ и РГНФ. Как директору ему приходилось искать компромисс между стабильностью и изменчивостью, фундаментальностью и конъюнктурностью, и с сохранением традиционных направлений всячески стимулировать зарождение новых, поощрять внедрение новых методов исследования, поиск новой методологии и т. д. Он исходил из того, что в науке каждый должен заниматься любимым делом, но при этом не забывать, кто будет финансово обеспечивать это занятие и соответствует ли оно основным направлениям научной деятельности ИИЕТ. В идеале молодёжь должна сама выбирать исследовательские темы, а задача руководителя в их поддержке, а также в выдвижение крупных коллективных проектов и в обеспечении их руководства. Ряд таких проектов удалось предложить коллективу и их реализация, например, четыре тома «Летописи РАН», «Наука за „железным занавесом“» [Наука за „железным занавесом“ 2002]. «Наука, техника и общество Германии и России во время Первой мировой войне» [Наука, техника и общество... 2007] и др., способствовала повышению авторитета учреждения. При этом каждый исследователь всегда должен стремиться быть частью мирового научного сообщества, активно сотрудничать с зарубежными коллегами.

Проводя интервью для книги «Наука как призвание» [Онопrienко, 2011], я задавал вопрос Колчинскому, насколько изменились за время его директорства международные связи и коммуникации Филиала и получил ответ, который меня поразил.

Перестройка, а затем развал СССР коренным образом изменили ситуацию. По числу учреждений (университеты, музеи, общества, архивы и фонды), с учёными которых мы за последние 15 лет поддерживали разного рода контакты (совместные проекты, конференции, обмен визитами и т. д.) на первое место выдвинулась Германия — 43 (например, лично я побывал около 30 раз в разных университетах Германии). США занимают второй место — 37, далее идут — Великобритания (15), Китай (9), Норвегия (9), Швеция (6), Канада (5), Финляндия (5), Франция (7), Италия (5), Индия (5) и др. С Германией у нас и наиболее длительные и разнообразные проекты, многие из которых делятся уже более 15 лет: «Вторая Камчатская экспедиция», «Немцы в России», «Эволюционная теория между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом», «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине». Есть и продолжительные проекты с Британской академией «Восприятие Дарвина в Европе», с японскими учёными «Война и Академия наук» и др. Они необходимы, так как во всём мире сейчас ценятся

международные проекты, а в некоторых из наших совместных проектов участвовали десятки учёных из многих стран. По ним опубликованы более 40 книг на русском, английском, немецком и китайском языках. Ряд сотрудников опубликовали монографии за рубежом. В последнее время активизировались контакты с Францией, Индией, Китаем, куда только меня приглашали читать лекции 7 раз. Все наши сотрудники младше 40 лет свободно владеют английским. Более половины сотрудников активно включены в международное научное сообщество, а некоторые выезжают в научные командировки по 5–10 раз в год, кое-кто находится там более одного месяца, а иные и работают там годами. Я стараюсь помогать молодым сотрудникам завязывать международные научные контакты, а иногда и финансирую их поездки из собственных грантов, так как знаю, что заявлять о себе в науке надо с ранних лет. Несколько наших сотрудников являются членами редколлегий международных журналов, избраны в престижные научные общества, в том числе Лондонское Линеевское общество. Филиал публикует два международных журнала «Историко-биологические исследования» и «Социология науки и техники», в редколлегии которых много зарубежных учёных, а статьи печатаются на русском и английском языках.

За время директорства Колчинского изменился сам статус СПб-филиала ИИЕТ в питерском научном ландшафте. Велика заслуга в этом руководства Санкт-Петербургского научного центра РАН. И сам академик Ж.И. Алфёров, и его первые заместители в разные годы (А.А. Фурсенко, Ю.А. Петросян, Г.Ф. Терещенко и др.) уделяли большое внимание истории науки, оказывали активную поддержку всем инициативам, участвовали в конференциях, проектах, изданиях. Очень много сделал для Филиала главный учёный секретарь СпбНЦ РАН Э.А. Тропп, который стал неотъемлемым членом санкт-петербургского сообщества историков науки, руководителем многих программ и редактором изданий. На протяжении десятилетий установились тесные научные контакты со многими ведущими петербургскими биологами, в том числе с директорами академических институтов и членами РАН (А.Ф. Алимовым, Н.В. Веселкиным, С.Г. Инге-Вечтомовым, Ю.В. Наточиним, В.Н. Парферовым, О.Н. Пугачевым, В.Л. Свицерским, и др.), которые охотно участвовали в иницилируемых историками науки мероприятиях и проектах, что, конечно, привлекало внимание к ним и представителей других наук, склонных к истории науки, интерес к которой никогда не угасал в петербургском научном сообществе. Важную роль в привлечении внимания к Филиалу играет Центр социолого-научно-исследовательских исследований, созданный С.А. Кугелем, который каждый год проводит международные школы по социологии науки, для них они удачно выбирают темы, интересные для научной общественности, и умело привлекают отечественных и зарубежных докладчиков. Большую работу в области координации исследований по истории РАН и русско-немецких связей осуществляет Г.И. Смагина, В.С. Соболев и другие члены сектора истории Академии наук, а Б.И. Иванов в области истории техники. Всё это позволило усилить консолидирующую роль Филиала в области истории, социологии и философии науки.

Чтобы представить масштаб деятельности СПб-Филиала ИИЕТ, в составе которого менее 30 человек, приведу список книг учреждения (вынуждено сокращённый), за 2011–2015 годы.

Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. Ред.-сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 566 с.

Конашев М.Б. Становление эволюционной теории Ф.Г. Добржанского. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 180 с.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. В 10 томах. / Гл. ред. Ю.С. Осипов. Науч. ред.: Ж.И. Алферов, Э.П. Карпеев, Д.А. Варшалович, И.С. Дмитриев, Э.И. Колчинский, В.Г. Смирнов, Э.А. Тропп, В.М. Лоскутов, П.В. Ильин, М.В. Семиколенных, Г.И. Смагина, В.С. Соболев, И.Б. Соколова, Н.Г. Сухова, Д.А. Щеглов. — СПб.: Наука, 2011–2012.

Немцы в России: встречи на перекрестке культур / Отв. ред. Д. Дитмар, Г. Смагина. — СПб.; Росток, 2011. — 542 с.

Галл Я.М. Георгий Францевич Гаузе (1910–1986). Научная биография. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 215 с.

Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. — 445 с.

Конашев М.Б. Эволюционисты и религия. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 200 с.

Монгольско-российское научное сотрудничество: от Учёного комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун и Т.И. Юсупова. — Улаанбаатар, 2012. — 182 с.

Немцы в России. 2-е изд. / Отв. ред. Г.И. Смагина. — СПб.: Лики России, 2012. — 255 с.

Смагина Г.И., Анненкова Э.А. Просвещённый благотворитель принц П.Г. Ольденбургский. — СПб.: Лики России, 2012. — 183 с.

Соболев В.С. «Нести священное бремя прошедшего...»: Российская Академия наук и национальное культурное наследие. 1880–1930. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 378 с.

Создатели современного эволюционного синтеза / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. Ред. А.В. Полевой и С.И. Зенкевич. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 996 с.

В.И. Вернадский и Комиссия по истории знаний. К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского / Отв. ред. Ю.М. Батурич. Ред.-сост. В.М. Орел и Г.И. Смагина. — М., СПб.: Росток, 2013. — 605 с.

Георгиевский А.Б. Эволюционное творчество Л.С. Берга. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 108 с.

Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010-е гг.: люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) / ред. С.И. Зенкевич и В.Г. Смирнов. — СПб.: Нестор-история, 2013. — 447 с.

Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. Серия «Научно-биографическая литература» РАН. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 319 с.

Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки / отв. ред. Ю.М. Батурич; ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 732 с.

Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекция. 1870–1920-е гг. / Под ред. А.И. Андреева, Т.Ю. Гнатюк и М.Н. Кожевниковой. — СПб.: Нестор-история, 2013. — 331 с.

Эволюционный синтез: границы, перспективы, альтернативы / Отв. ред.-сост. Г. Левит, Э.И. Колчинский, У. Хоссфельд, У. Кучера и Л. Олсон. — СПб.: Роза ветров, 2013. — 274 с.

Ли Чэнчжи. Развитие китайских космических технологий / Под ред. Бао Оу, Хан Ихуа, Ю.М. Батурина, Б.Б. Дьякова, Б.И. Иванова и Д.Н. Савельевой. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 236 с. Перевод с китайского А. Кузиной.

Ащеулова Н.А., Душина С.А. Мобильная наука в глобальном мире / ред. В.М. Ломовицкая. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 224 с.

Смирнов В.Г. Академик М.А. Рыкачев и развитие геофизики в России. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 600 с.

Георгиевский А.Б. Эволюционное творчество Л.С. Берга. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 152 с.

Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010-е гг.: люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) / Ред. С.И. Зенкевич, В.Г. Смирнов. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 448 с.

Эволюционный синтез: границы, перспективы, альтернативы / Отв. ред.-сост.: Г. Левит, Э.И. Колчинский, У. Хоссфельд, У. Кучера, Л. Олсон. — СПб.: Роза ветров, 2013. — 274 с.

Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977 / Э.И. Колчинский; отв. ред. К.В. Манойленко. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 320 с. Серия «Научно-биографическая литература».

Лоскутова М.В., Федотова А.А. Становление прикладных биологических исследований в России: взаимодействие науки и практики в XIX — начале XX вв. Исторические очерки / отв. ред. Э.И. Колчинский. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 220 с.

Федотова А.А., Н.П. Гончаров. Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны: сборник документов / Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии А.А. Федотовой, Н.П. Гончарова; отв. ред. Э.И. Колчинский. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 268 с.

Максимум возможного. Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1970 гг.). Часть 1: Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1930 гг. / М.Б. Коначев (ред.-сост.). — СПб.: Нестор-История, 2014. — 796 с.

Колчинский Э.И. Единство эволюционной теории в разделённом мире XX века. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 824 с.

Соболев В.С. Во главе первого учёного общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917 гг. / В.С. Соболев. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 184 с.

Немцы в России. Немецкий мир Санкт-Петербурга: Сб. статей / Отв. ред. Д. Дальманн, Г.И. Смагина. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2015. — 688 с.

Воспоминания написано ярко, с юмором и самоиронией. Главное их достоинство, что они хорошо передают время, эпоху, которая менялась на наших глазах. Автор всегда остро чувствовал ритм и образ времени, воспринимал его критически, как и подобает исследователю. Он в предисловии книги указывает на существенный изъян большинства воспоминаний — «непреодолимая субъективность мемуаров». И в то же время принимает такое определение человека: «Человек есть животное, рассказывающее истории»: «куда бы человек ни отправлялся, что бы он ни делал, ему хочется оставить не хаотические следы своей деятельности и тем более не пустое пространство, не позволяющее понять, а для чего же всё это было. Поэтому все мы стремимся застолбить прошлое утешительными вешками и флажками рассказов и непрерывно рассказываем истории, точнее непрерывно их сочиняем» (с. 10). Такая нарративная природа человека выступает действенным мотивом мемуаров, это особая версия интерпретации пережитого, которая является неустранимой для рефлектирующего человека. Автор вводит для себя высокие требования к воспоминаниям, чтобы по возможности избежать их субъективности, самооправдания задним числом, лакировки и т. д. Поэтому воспоминания не просто хорошо читаются, достаточно убедительны, но обладают и вполне конструктивными качествами для оценок.

Конечно, мы с автором — люди одной эпохи, поэтому меня волнуют его рассказы не только о вхождении в академическое сообщество, генезисе тех или иных идей, проектов, книг, но и жизненных обстоятельств, особенностях бытовых проблем и переживаний. Поэто-

му я взахлёб читал о дополнительных заработках автора, «калымах», участиях в экспедициях, особенно о небывалой поездке на Крайний Север. С ними связаны и многие его оригинальные оценки реальной жизни в глубинке России и Украины. Я часто говорю, что наш труд исследователя всегда включал не только интеллектуальные занятия, но и немалую долю физического труда: поездки в колхозы, в экспедиции, на заработки. Постскрипtum я оцениваю этот факт положительно, поскольку это давало немалый материал для оценок жизни всего народа, а не только локальной его страты.

Большой интерес представляют объёмистые и информативные приложения к книге, очень тщательно подготовленные по образцам серии «Научно-биографическая литература»: даты жизни и деятельности, указатель трудов, списки работ, под редакцией Колчинского, рецензий на его труды, трудов о нём, списки докладов и курсов лекций Колчинского, международных проектов, организации и проведения конференций, заграничных командировок, научных наград, членства в научных обществах и редколлегиях в России и за рубежом, научное руководство диссертациями. Пожалуй, впервые я встречаюсь со столь добросовестно подготовленной и разносторонней информацией. С большой охотой и вниманием читаются воспоминаний двоюродного брата Колчинского Р.Ф. Брандесова о войне, написанные точно, скупо и правдиво.

Материал воспоминаний — важнейший источник для реконструкции повседневных форм коммуникации, в том числе в сфере науки. Повседневность, в качестве важнейшей формы человеческой жизни, стала объектом, на котором ныне сконцентрировались интересы многих социально-гуманитарных наук. Сегодня интерес к теме повседневности может рассматриваться как симптом возникновения вакуума, генезис которого связан с обесценивающим давлением одно-сторонней рационализации современной цивилизации. Учёт повседневных форм жизни обогащает аналитические подходы к характеристикам *homo scientificus*. Повседневность выступает, по яркому выражению Б. Вальденфельса, плавильным тиглем рациональности [Вальденфельс 1991], она нормирует, заземляет многие официальные идеологемы, афишируемые нормы и лозунги. Такая черта характерна и для автора воспоминаний, всегда стремившегося снять официальный пафос и фальшь оболванивания людей. Даже в судьбоносный день поступления на философский факультет университета, он написал в заявлении о выборе специальности: *исторический мат*, что стало предметом разборок.

Вальденфельс Б. 1991. Повседневность как плавильный тигль рациональности. — *Социо-Логос*. — М.: Прогресс.

Завадский К.М., Колчинский Э.И. 1997. *Эволюция эволюции. Историко-критические очерки проблемы*. — Л.: Наука.

За железным занавесом... 2002. *За «железным занавесом». Мифы и реальности советской науки*. Отв. ред. Э.И. Колчинский, М. Хайнеман. — СПб.: Дмитрий Булавин.

Колчинский Э.И. 1999. *В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.)*. — СПб.: Дмитрий Булавин.

Наука и кризисы... 2003. *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки*. Ред.-сост. Э.И. Колчинский. — СПб.: Дмитрий Булавин.

Колчинский Э.И. 2002. *Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная проблема или возможность синтеза? (Историко-критические очерки)*. — СПб.: Наука.

Колчинский Э.И., Ащеулова Н.А. 2010. Реформы науки в России (Историко-социологический анализ). — *Вопросы истории естествознания и техники*. — № 1.

Колчинский Э.И. 2014. *Так вспоминается...* — СПб.: Нестор-История.

Наука, техника и общество... 2007. *Наука, технология и общество в Первой мировой войне*. Отв. ред. Э.И. Колчинский, Д. Байрау; ред.-сост. Ю.А. Лайус. — Спб.: Нестор-История.

Оноприенко В.И., Митропольский А.Ю. 2003. Вклад в разработку фундаментальной историко-методологической проблемы естествознания. — *Екологія довкілля та безпека життєдіяльності*. — № 4.

Оноприенко В.И. 2011. Интервью с Э.И. Колчинским. — В. Оноприенко. *Наука как призвание. Книга интервью*. — Киев: ГП «Информ.-аналит агентство».

Оноприенко В.И. 2003. Рец. на кн.: Колчинский Э.И. 2002. Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная проблема или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). — *Науковедение*. — № 4.

Развитие... 1983. *Развитие эволюционной теории в СССР*. Отв. ред. Ю.И. Полянский, ред.-сост. Э.И. Колчинский. — Л.: Наука.

Репрессированная наука... 1994. *Репрессированная наука. Вып. 2*. Под ред М.Г. Ярошевского. — СПб.: Наука.

Эволюция биосферы 1990. *Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР*. — Л.: Наука.